

Игра и мука

Автор:

Иосиф Райхельгауз

Игра и мука

Иосиф Леонидович Райхельгауз

Название новой книги Иосифа Леонидовича Райхельгауза «Игра и мука» заимствовано из стихотворения Пастернака «Во всем мне хочется дойти до самой сути». В книгу вошли три прозаических произведения, в том числе документальная повесть «Протоколы сионских медсестер», а также «Байки поца из Одессы» – смешные истории, которые случились с самим автором или его близкими знакомыми. Галина Волчек, Олег Табаков, Мария Кнебель, Андрей Попов, Анатолий Васильев, Валентин Гафт, Андрей Гончаров, Петр Фоменко, Евгений Гришковец, Александр Гордон и другие. В части «Монологи» опубликовано свыше 100 статей блога «Эха Москвы» – с 2010 по 2019 год. В разделе «Портреты» представлены Леонид Утесов, Альберт Филозов, Любовь Полищук, Юрий Любимов, Валерий Белякович, Михаил Козаков, Станислав Говорухин, Петр Тодоровский, Виталий Вульф, Сергей Юрский... А в части «Диалоги» 100 вопросов на разные темы: любовь, смерть, религия, политика, театр... И весьма откровенные ответы автора книги.

Иосиф Леонидович Райхельгауз

Игра и мука

© И.Л. Райхельгауз, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Учителям и ученикам

Объяснительная записка

Очень рано услышал стихотворение Пастернака «Быть знаменитым некрасиво». Оно вошло в прямое противоречие с детскими фантазиями. Ведь я готовился стать знаменитым. Для этого потребовал купить письменный стол. И он был куплен в комиссионном магазине на мою первую зарплату – в 12 лет во время каникул стеклил окна в коровнике и заработал большие деньги. Заработать дал дедушка, председатель колхоза, где строили новый коровник.

Сел за стол и стал писателем. Стихи, проза и диалоги, запечатленные на листках тетрадок в клеточку и линейку, плотно запечатанные в конверты с маркой за 4 копейки, сэкономленных на школьном завтраке, рассылались безымянным сотрудникам газет, журналов и разнообразных литературных приложений. В украинской газете «Юный ленинец» меня знали как выдающегося графомана. Главная газета печаталась в Москве – «Пионерская правда». Но написать туда – приблизительно то же, что на планету Сатурн. Создал как-то очередной шедевр для «Юного ленинца». Поэма была приурочена к пуску Кременчугской ГЭС. К сожалению, эти строки до сих пор сидят в голове.

Кременчугская ГЭС, сколько связано с нею!

Стоит величаво на русле Днепра.

И скоро здесь воды прольются под нею,

И вступит в работу большую она.

Машины повсюду, подъемные краны

Работают дружно большою семьей.

И скоро зальется вода в котлованы –

Еще Днепр не видел работы такой.

А люди? Как стройка их всех закалила!

Живут и работают дружно они.

Вступает уже в строй большая плотина

И первые скоро зажгутся огни.

Мне ответили. Предложили больше наблюдать жизнь, читать книги, работать над углублением. И я сотворил следующую поэму, которая называлась «Комсомол». Тут уж серьезно изучил историю и послал сразу в «Пионерскую Правду» в Москву.

Комсомол – это имя живет в поколениях.

Комсомол – это партии смена встает.

Комсомол – он родился в борьбе и сраженьях.

И в труде гордо Ленина знамя несет.

Было трудно, враги наступали

Всюду банды – Деникин, Колчак.

Но советскую власть отстояли,

Удержали в народных руках.

В поэме отражалась вся героическая история комсомола. И кульминацией, конечно, стал подвиг молодых в Отечественной войне. Заканчивалось так:

Разгромили фашистов...

Встают города из развалин

Снова в первых рядах комсомол.

Молодые всегда впереди.

На войне комсомольцы героями стали

И в труде стали с партией в ногу идти.

Из «Пионерской правды» пришло очень серьезное письмо. Там было отмечено, что способности у меня есть, но нужно работать над небанальной рифмой, над соответствием стихосложения, принятым в поэзии канонам и еще что-то про ямб, хорей и амфибрахий...

Тогда я навалился на прозу. Послал очень смешной рассказ в журнал «Юность». И получил ответ с анализом моего рассказа и отказом. Письмо подписал Виктор Иосифович Славкин, заведующий отделом сатиры и юмора. Спустя двадцать лет, когда снимал телефильм «Картина» по сценарию Славкина, показал Вите это письмо.

Поскольку в литературе знаменитым не стал, решил прославиться в спорте. Например, в футболе. Пришел на конкурс в детскую группу «Черноморца». При том, что, как все мальчишки, гонял в футбол, тренеры меня забраковали. Тогда записался в секцию борьбы самбо. Надо отдать должное – в те времена можно было прийти и записаться без денег. Упорно тренировался. Быстро возник третий юношеский разряд. Правда, огорчало, что не только я применяю болевые приемы и бью по морде, но и меня тоже бьют и бросают. Эта секция много дала в понимании устройства мира. Пока выигрывал, все было неплохо. До сих пор помню некоторые приемы. Иногда просто подмывает приемчик применить. Но, увы, не только ты кидаешь... Мне двинули несколько раз довольно больно.

Перешел в секцию альпинизма. Тренировки проходили в Одесской областной станции юных туристов-альпинистов. Замечательно учили расставлять палатки, разводить костер одной спичкой, правильно укладывать спальный мешок. Но со временем выяснилось, что в Одессе нет не только гор, но и холмиков. Еще Пушкин предупреждал: «...Степь нагая там кругом...». Нас, правда, повезли в Крым покорять Ай-Петри. Потом я не раз бывал в горах, пустынях, океанах, болотах, ледниках, в том числе на Эльбрусе, с которого спускался на квадроцикле. Но это «потом» много позже. А тогда покоряли Крым, который еще был нашим в первый раз. Узнав, что высочайшая вершина находится далеко за пределами СССР, понял, что мне ее не увидеть, и интерес к альпинизму как-то угас.

И тут я встретил удивительных людей – Зою Александровну и Михаила Борисовича Ивницких. Они впервые привили любовь к настоящей литературе, научили видеть живопись, слушать музыку. Зоя Александровна играла Лунную сонату. Я слышал ее первый раз в жизни. И музыка впервые довела меня до слез. От Ивницких узнал, что был Золотой век русской литературы и Серебряный век. От них услышал не входившие в школьную программу стихи Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака.

И примерно в это время практически с первого или со второго прочтения заучил стихотворение «Быть знаменитым некрасиво» И оно меня вразумило. Захотел не просто прославиться. Мои фантазии никуда не ушли. Но я понял, что быть знаменитым не может быть целью. Цель – создание чего-либо. А просто быть знаменитым – просто некрасиво.

Есть у Бориса Пастернака и другое стихотворение, не менее цитируемое:

Во всем мне хочется дойти

До самой сути.

В работе, в поисках пути,

В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,

До их причины,

До оснований, до корней,

До сердцевины.

И там – поразительные слова, которые хотелось подарить кому-то для названия книги. Или оставить себе.

Достигнутого торжества

Игра и мука.

Натянутая тетива

Тугого лука.

«ИГРА И МУКА» – пусть так называется эта книга.

Предисловие написал Анатолий Васильев – великий русский режиссер. Таких называют странным словом «культовый». Но что делать, если другого слова здесь не подобрать. Так сложилось, что мы вместе учились и даже жили вместе. Нет, апологетов актуальных толерантных трендов просьба не беспокоиться – мы просто жили в одной комнате в общежитии ГИТИСа на Трифоновской. Мы – друзья, о чем я с гордостью и радостью заявляю. Толя, как старший товарищ, сыграл огромную роль в моей жизни. И, конечно, стал героем некоторых историй, которые вошли в эту книжку. В том числе и иронических. У него с чувством юмора все в порядке – о чем свидетельствует это весьма эксцентричное предисловие:

Игра и муха.

Игра и муха

Портной Йося из Одессы играл с мухой. Стучал на швейной машинке портки для соседа Пифагора из Мариуполя и играл с мухой. Муха садилась то на швейное колесо, то на левую коленку, то на шов, то взлетала с шипением до лампочки и прыгала на правую бровь, а портной Йося из Одессы стучал пятками по чугунной платформе и играл с мухой. Он на нее дул, но так сильно и звучно, как соловей-разбойник! Муха отлетала от штанов Пифагора и с треском разбитой тарелки ударялась о дверной косяк или лампочку над швейным станком, звенела прозрачными вертолетами своих крыльев, и в сотый раз прилипала к потному Йосе, портному из Одессы.

Что за мука эта муха!

Мысли лезли на Йосин затылок и там клубились противными червяками.

Что за мысли эти мусли, эти гусли та-ра-ра!

Что за муха – лезет в ухо, что за мука и игра, что за идише-судьба!

Если бы я был Гришковцом из Полоцка, то сшил бы не штаны Пифагору из Мариуполя, а повесть, но получше, чем мемуары Гришковца из Полоцка. «Как портной Йося из Одессы съел свою судьбу-собаку и закусил пифагоровыми штанами (из Мариуполя)». В пяти частях! Он замечтался и открыл рот в предвкушении несомненного успеха. Внезапно муха влетела в Йосин рот, но пролетая сквозь надутые губы, зацепилась за широкую Йосину улыбку и на секунду застряла от удивления. Тут Йося так дунул и свистнул, что муха, как пуля, вылетела в открытую форточку и растворилась в голубом небе.

Стало тихо, как в гробу...

Наконец-то портной Йося из Одессы дошил пифагоровы портки, потрянул ими над швейной машинкой, растянул для красоты, чтобы похвастаться, и воскликнул:

Пифагоровы штаны на все стороны равны! Можно жить!

Ай, да Йося – Мукин сын!

Мой давний студенческий друг Иосиф Райхельгауз, жить еще можно! Будем жить...

Мой дорогой читатель! Не знаю тебя... теперь тебе сколько? Но, несмотря на мою неграмотность в отношении тебя, нового и другого, рекомендую, нет! что я буду своим предисловием морочить тебе голову! Прочти на 5 стр., на 21 стр. на 113 стр. от корки до корки, сам поймешь! Рекомендую этого щедрого человека, талантливого к жизни, к театру, поэзии, литературе, к друзьям, женщинам, – актерам знаменитым и новичкам, ужинам и обедам, путешествиям, машинам и ралли, и еще черти к чему, о чем я даже не знаю! Читай, читатель, и не в интернете! А еще не забудь и немного пошить, если это искусство тебе интересно.

Краткое содержание

для тех, кто не любит читать

Название «Игра и мука» заимствовано из стихотворения Пастернака «Во всем мне хочется дойти до самой сути».

Первая часть: документальная повесть «Протоколы сионских медсестер», откровенная история болезни – онкологическое заболевание на последней стадии, израильская клиника, операция, бредовое состояние, лечение, разговоры с докторами, сны.

Вторая небольшая повесть – «Трещина в душе» – или в душе – ироническое повествование о бесхитростной «коллизии», случившейся в одесской квартире – сломалась душевая кабина. Неурядица обернулась эпосом про трещину – то ли в душе, то ли в душе.

Третье произведение – заявка на сценарий фильма «Трагифарс под ярким солнцем» – пубертатные переживания подростка-одессита, первое свидание со смертью и с любовью, атмосфера города, детство и юность.

Вторая часть – «Байки поца из Одессы». Смешные истории, которые случились с самим автором или его близкими знакомыми. Около 100 новых баек, в том числе – о Галине Волчек, Олеге Табакове, Марии Кнебель, Андрее Попове, Анатолии Васильеве, Валентине Гафте, Андрее Гончарове, Петре Фоменко, Евгении Гришковце, Александре Гордоне и других.

Третья часть – «Монологи». Свыше 100 публикаций в блоге «Эха Москвы» – с 2010 по 2019 год. Неадекватная и яркая картина современных событий в стране и в мире.

Четвертая часть – «Портреты». Леонид Утесов, Альберт Филозов, Любовь Полищук, Юрий Любимов, Валерий Белякович, Михаил Козаков, Станислав Говорухин, Петр Тодоровский, Виталий Вульф, Сергей Юрский...

Пятая часть – «Диалоги». 100 вопросов на разные темы: любовь, смерть, религия, политика, театр... И весьма откровенные ответы.

Проза

Протоколы сионских медсестер

документальная повесть

Пролог

Болезнь всегда непредсказуема. Чаще всего она врывается в жизнь, когда она (жизнь) кипит, и ты не понимаешь, как найти лишние полчаса, чтобы успеть одно-другое-третье... И тут вдруг невесть откуда выскочившая и навалившаяся болезнь твою жизнь резко останавливает и совершенно меняет взгляд на все, в том числе и на саму жизнь. То, что казалось обязательным, основополагающим, важнейшим, невозможным без твоего участия, спокойно происходит помимо тебя. И твоя жизнь остается твоей, а все остальное случается само по себе, и ты совершенно ни при чем. Это касается не только глобальных явлений типа захода и восхода солнца, а самых что ни на есть конкретных дел. Ты выпал из процесса, а ничего не изменится и не отменится. И наоборот, когда ты снова вернешься (если сможешь), начнется что-то другое, и ты снова почувствуешь себя центром и генератором событий. Быстро позабыв о том, что это иллюзия.

Так случилось, когда я впервые попал в больницу еще студентом. Мне 17 лет, живу в сыром ленинградском полуподвале прямо напротив Большого драматического театра на Фонтанке. На еду не хватало. На теплую одежду тоже. Свою нелегкую жизнь я выразил в трагических стихах, начинавшихся словами: «Звенят ботинки по промерзшим лужам, целует ветер подкладку пальто, нет, никому я сейчас не нужен, и знать не хочет меня никто». Чувствовал себя персонажем «Бедных людей» или «Невского проспекта» и на самом деле начал сильно кашлять. При этом приближалась сессия, я готовился к экзаменам.

Печатал какие-то мелочи в издательстве «Ленинградская Правда». Ставил первый в своей жизни спектакль в студенческом театре Ленинградского университета. Словом, был занят бесконечно. Придя на очередной экзамен, почувствовал, что уж совсем плохо. Посмотрел на двери медпункта, наличие которого всегда было непонятно (зачем и кому он нужен?), и решил зайти. Дежурная врач или медсестра дала градусник. Пока мерял температуру, кашлял, как герои Достоевского. Взглянув на градусник, медсестра сказала: «Никуда не уходи», – и вызвала «скорую». Не успев опомниться, впервые полетел по Ленинграду в «скорой помощи» с сиреной. Мне прокололи иглами легкие – откачивали гной. Оказалось: двусторонний плеврит. Все это время я находился, практически, в полусознании. Все куда-то отплыло: репетиции, публикации, экзамены. Спасло то, что был тогда крепок и молод. Но не это главное. Главное, что ничего не рухнуло, не изменилось, не прекратилось, не исчезло. Я вернулся – и все вернулось. Экзамены сдал, спектакль вышел, заметку опубликовали. Разумеется, и мысли не возникло встать на учет в туберкулезный диспансер, как того требовали врачи. Раз и навсегда забыл о болезнях.

Вторая остановка жизни случилась в Москве в театре имени Станиславского. Нашу режиссерскую коллегия – Анатолий Васильев, Борис Морозов и я – стали разгонять. Начали с меня. Придя в театр, увидел висевший на доске приказ: «Режиссера Райхельгауза И.Л. освободить от занимаемой должности в связи с отсутствием московской прописки». Мы подали в суд на управление культуры, что было немыслимо по тем временам. Тогда же я репетировал со студентами дипломный спектакль «Три сестры». Дел было невпроворот. Во время репетиции почувствовал сильные боли в груди. Не помогли никакие валокордины и валидолы. Снова «скорая помощь». С диагнозом микроинфаркт меня вынесли на носилках из театра Станиславского, в который я потом не входил более 30 лет. Вошел, когда этот театр сменил название. И опять вся жизнь остановлена: больница, диагноз, лечение. Зато с тех пор никогда больше не жаловался на сердце. Это была прививка.

Вот и сейчас. Сезон начался замечательно. Выпустил две премьеры в нашем театре. Шла работа над «Талантами и поклонниками» в Санкт-Петербургском «Балтийском доме». Собирался на гастроли в Индию, где мы рассчитывали подтвердить свой успех на прошлогоднем фестивале. Моя режиссерская и актерская мастерские ГИТИСа готовили показ кафедре новых студенческих работ. Писал параллельно несколько книжек, выбирая, какую первой отдать в издательство. Продолжал ежедневные тренировки: плавание, бокс, тренажеры. Насыщенная и наполненная жизнь не предполагала никаких пауз. Но...

Глава первая

Ученицы Инбара

Где-то в декабре стал сильно кашлять. Вначале казалось, что это реакция на табачный дым, который вопреки моей отчаянной борьбе с курением, все же бесконечно заполняет жизненное пространство. Потом решил, что простудился – купил в аптеке леденцы. Кашель усиливался. Наконец, пошел в свою районную поликлинику, к которой «приписана» и «Школа современной пьесы». Попал на прием к главврачу, с которым мы чудесно побеседовали о медицине и искусстве, выпили чаю. Пошел по врачам, которых приглашал почаще бывать в театре. А они мне рекомендовали пореже бывать в поликлинике. Дул в разные трубки, сходил на флюорографию. Выяснилось: с легкими все хорошо. Кашель сразу как рукой сняло. На всякий случай предложили сделать УЗИ – уж раз я в кои-то веки дошел до поликлиники! УЗИст меня узнал. Начал разбирать и оценивать наши спектакли, которые он с женой часто смотрит. Признался в особенной любви к спектаклю «Дом». Обсудили, как играют Игорь Золотовицкий и Елена Санаева. При этом он не переставал производить некие манипуляции: водил какой-то штукой по животу, продолжая делиться впечатлениями. И вдруг:

– Ой, что это у вас?... Огромная опухоль... Да... Но как хорошо играл Петренко... как он пел... Слушайте... огромная опухоль у вас на печени... Она больше 12 см... А какие у вас ближайшие премьеры? Я слышал...

– Подождите... Какие премьеры?! Что там у меня?

– Не знаю, я подготовлю описание... Надо будет сделать МРТ... Похоже, метастазы...

Почему-то я не придавал всему этому значения. Отнесся, как доктор, которому в равной степени был интересен спектакль и моя опухоль. Вернее, спектакль гораздо интереснее. Вернулся домой, рассказал обо всем дочке Маше. Маша повезла меня в частную клинику, где заплатила много денег за то, что мне вкатили наркоз, провели исследования и довольно быстро сообщили, что в кишечнике опухоль, скорее всего, злокачественная, размером около 4 см,

которая уже дала огромный метастаз на печень – 12,6 см. Я опять не отреагировал, потому что применить к себе подобный диагноз, похожий на смертный приговор, невозможно. А Маша восприняла это сверхсерьезно. Она подняла на ноги всех. Директор нашего театра, Аня Гроголь, сравнимая с неразорвавшейся атомной бомбой, ухитрилась каким-то образом оповестить кого можно и нельзя: друзей, коллег, спонсоров театра. И уже вечером мой близкий, давний и настоящий друг Анатолий Борисович Чубайс в присутствии ему приказал немедленно лететь к лучшим врачам – в Германию, Америку, Корею:

– Срочно уточни диагноз, о деньгах не думай.

Я выбрал Израиль. Не успел опомниться, как Гроголь сообщила номер рейса, кто будет встречать в Израиле, какие исследования назначены на ближайшие дни. Приехал муж моей дочери Алексей Трегубов. Не было чемоданов, вещей. Взяв с собой зубную щетку и одну рубашку, вместе с Лешей отправился в аэропорт.

Встретил нас доктор Илья Моерер. Услышав эту фамилию, удивился: «моерер» в переводе с идиш – страх. То есть, доктор Страх? Но он оказался обаятельным саратовским евреем, занявшимся в Израиле востребованным бизнесом – медицинским туризмом. Его команда обеспечивает сервис приезжающим пациентам, организует консультации врачей и ведет больного до конца. Предпочтительно, благоприятно. Уже позже, когда мы много беседовали, он рассказал мне, что его прапрадед был учителем в еврейской школе где-то в Южной Польше, а уже дед, попав в 1939 году в СССР, сменил фамилию на менее пугающую.

В свое время я все это проходил с папой, у которого тоже обнаружили онкологию – рак легких. Он лежал на Каширке. Я постоянно туда приходил и подружился с замечательным врачом, продлившим папе жизнь – Андреем Альбертовичем Мещеряковым. Так получилось, что у него потом лечились и продолжают лечиться многие близкие мне люди. Когда Мещеряков узнал, что я выбрал Израиль, он сильно расстроился, но подтвердил, что есть в Израиле один из лучших мировых онкологов Моше Инбар. Они все время встречаются на различных международных консилиумах, обоих принимают на уровне царственных особ. Андрей сказал, что очень важно попасть именно к нему. И когда Моерер сообщил, что моим врачом будет именно этот Моше, – обрадовался.

Думал, что встречу с ним в первый же день. Но этого не случилось: профессор очень занят, и меня примет его лучшая ученица.

Утром позвонили и сообщили, что лучшая не сможет встретиться: хамсин (пыльный ветер) занес ее машину. Будет другая ученица, тоже одна из лучших. За час до встречи снова позвонили и снова сообщили, что и этой встречи не будет, поскольку у одной из лучших внезапно умер муж. Поэтому встреча переносится, и прием проведет очень хорошая ученица Моше. В назначенное время доктор Моерер ввел меня в кабинет очень хорошей ученицы великого Моше Инбара.

За столом сидела женщина, которую в Москве можно было бы принять за владелицу косметического салона или администратора дорогого ресторана: хорошо одета, красива провинциальной «ретрокрасотой». Мы услышали конец телефонного разговора по-русски: «Зачем мне сейчас шубка? У нас скоро лето». Был декабрь. Очень хорошая ученица Моше мельком на меня взглянула и стала изучать анализы. Цокала языком, глубоко вздыхала. Чем глубже погружалась в историю болезни, тем больше я понимал, что дела мои совсем плохи. Наконец, она оторвалась от бумаг. Не осматривала, не слушала, не меряла давление, пульс. Констатировала:

– Случай очень сложный. Четвертая стадия онкологии. Ни в чем не уверена. Был такой больной лет 10 назад – он не выжил. Попробуем...

И повторила:

– Ни в чем не уверена.

А дальше произнесла фразу, которую слышал потом не раз:

– Будем лечить по американскому протоколу.

Оказывается, есть два метода подхода к онкологии: американский и русский (Европа и Израиль – тоже применяют американский). Американский таков: как только обнаруживают очаговую опухоль, стараются, исходя из показателей, максимально нейтрализовать ее химиотерапией, потом сделать операцию и удалить опухоль и метастазы. Никаких импровизаций, никакого

индивидуального подхода. Это именно протокол: есть диагноз, на который накладывается готовый алгоритм. Врач не нужен – нужны только анализы и точное исполнение протокола.

Русская школа не подчинена протоколам. Она основана на мнении конкретного врача о конкретном пациенте. Чаще всего, как только в России обнаруживают опухоль, ее удаляют, причем нередко вместе с органом, который она поразила. Иногда это дает замечательные результаты. Увы, не всегда.

Очень хорошая ученица Моше писала что-то. Затем сказала:

– Мы будем вас лечить не обычной химией, а биологическим лекарством «платинум». С вас не упадет ни один волосок. Препарат новый. Эффективность проявляется по-разному. Назначаю лечение по протоколу. Подробности расскажут медсестры. Будем надеяться. Но я ни в чем не уверена.

На всякий случай я поинтересовался, примет ли меня доктор Инбар. Она удивилась:

– Зачем? Все пойдет по протоколу.

На следующий день я сдался медсестрам клиники «АССУТА».

Глава вторая

Клиника «АССУТА»

Израильская клиника принципиально отличается от российских, как и вся медицина. Поскольку мне приходилось бывать в московском онкоцентре на Каширке, могу сравнить.

Каширка наводит ужас. Глядя на серую многоэтажную махину, всегда понимаешь, что это место смерти. Входишь – и сразу охватывает паника. Слева – гардероб, в котором вечная очередь. Гардеробщицы кричат, что номерки кончились, и надо ждать, когда посетители заберут пальто и освободят места на

вешалках. Справа автоматы по выдаче бахил за 10 рублей мелочью, которой вечно не найти. Тут же аптека, рядом магазин, где продают парики и накладную грудь. Чтобы попасть из вестибюля в саму клинику, нужно преодолеть шлагбаум и фейсконтроль двух мордovorотов, заточенных на то, чтобы никого никуда не пускать. Больные, родственники, врачи толкуются на небольшом пяточке, напоминая привокзальную остановку в час пик. Человек сразу напуган, сразу хочет от этого места бежать. Хотя мало кто приходит туда по своей воле. Счастье, если есть свой Мещеряков, который повезет тебя в лифте для врачей. Иначе – общая очередь в ожидании никогда не приходящих лифтов, где покорно толпятся люди с перевязками, ранами, дренажами. Жуткие запахи – гноя, плохой пищи, хлорки. Впечатление хаоса, безнадёги и скорой смерти. И чему тут удивляться? Недавно главврач одной из ведущих московских больниц онкологического профиля жаловался, что лечить больных невозможно: нет денег не только на аппаратуру и дорогие импортные лекарства, но и на наши российские аналоги. Такого ничтожного бюджета на медицину не было за всю историю России со времен царизма.

Израильская клиника – Тель-Авивский медицинский центр «АССУТА» – прямая противоположность. Попадаете не в больницу, а в торгово-развлекательный центр. Тоже проходите через охрану, которую не замечаете, хотя она вооружена до зубов. Потому что эта охрана не против вас, а за и для вас. Уже на второй день нового пациента и его родственников узнают и здороваются издали. Огромное открытое пространство, много зелени, пальм, цветов. Стоит рояль – на нем кто-то иногда играет. Рядом прекрасное кафе для пациентов и гостей. И запахи совсем иные: свежесть, крепкий кофе, ваниль. Книжный магазин, магазин игрушек. Человек, вошедший с улицы без всякого пропуска, бахил и сопровождения может пройти в любую палату и к любому больному кроме операционной и реанимации. Даже в реанимацию пропускают круглые сутки. Слово «пропускают» здесь не подходит, потому что вы просто идёте, куда вам надо, никого не спрашивая. Везде автоматы с кофе и чаем, питьевая вода, полное впечатление зоны отдыха или санатория.

Проходишь через детское отделение – игровые площадки с горками и качелями, шарики, куклы, машинки, плюшевые мишки, клоуны, аниматоры. Просто детский клуб, а не больница. Идеальная чистота. Хотя никто не заставляет надевать бахилы или сменную обувь.

А главное – уверенность, что тебя здесь ждут и наверняка помогут. В чем я убедился.

Поселились мы с Алексеем в небольшой арендованной квартире. Неделю ездил в «АССУТА», где мне делали самые разнообразные анализы: пропускали через трубы, просвечивали, сканировали все органы внутри. Кажется, не осталось ни одного отверстия в теле, куда бы не проник какой-нибудь прибор или исследовательская трубка.

В конце недели состоялась встреча с хирургом профессором Франклином Грайфом. Моерер представил его как одного из светил израильской медицины. Грайф вызвал полное доверие. Когда я прихожу в магазин или на рынок, смотрю не на товар, а на продавца. И покупаю у того, кому верю. Комментируя диагноз, доктор Грайф меня не обнадеживал, не щадил, и главное – не обманывал. Он демонстрировал на большом экране весь мой внутренний мир и говорил примерно следующее (переводил доктор Моэрер – Грайф по-русски не знает ни слова):

– Анализы показывают, что у вас маленькая онкологическая опухоль в кишечнике – примерно 3,5 см. Но эта опухоль уже дала огромный метастаз размером 12,6 см, который покрыл значительную часть печени. Если бы вы пришли несколько лет назад, я бы сказал: «Дай Бог этому человеку протянуть еще месяца два». Сегодня есть препараты, которые могут помочь. Сейчас у вас четвертая стадия онкологии. Мы подготовим ваш организм, и я сделаю эту сложнейшую операцию, в ходе которой потребуется удалить более половины печени. Попытаюсь заодно убрать и первичную опухоль – но гарантировать не могу. Операция очень сложная, она будет идти не менее 7-8 часов. И вы должны знать, что она может быть успешной, а может завершиться летальным исходом. Есть определенный процент пациентов, которые не выдерживают. Когда удаляется правая, большая доля печени, человек может умереть от потери крови.

Алексей, который вместе со мной внимал подробному рассказу профессора, старался вникнуть в каждый нюанс и под конец встречи признал, что доктор Грайф очень убедителен.

И я абсолютно доверился врачу и согласился с предложенным протоколом.

Предстояло пройти три курса биологического лечения, после чего хирург и онколог должны увидеть, как ведут себя опухоли и только тогда принять решение об операции. Началось так: меня положили на диванчик – очень удобный. Целый день под капельницей, в вену заливают лекарство большими

бутылками. После чего глотаю какие-то определенные таблетки. Много. Решил сосчитать – одиннадцать штук. Через неделю – снова капельницы, но уже меньшего объема. Опять семь дней таблетки. И опять – капельница. Неделя – пауза. Такой полный цикл в Тель-Авиве со мной проделали один раз. Следующие три прошли в Москве и Петербурге. Между ними пришлось возвращаться в Израиль для анализов.

При отъезде в Россию получил два набора лекарств в ледяном контейнере. Дома началась обычная жизнь: репетиции в Москве и Петербурге. Каждую неделю либо на Каширке либо в Питере на Песчаном проезде вливались следующие порции. И каждый день таблетки. Эти курсы повторялись два раза. После чего в очередной раз в Тель-Авиве провели исследования и анализы. Доктор Грайф радостно сообщил об очень хороших результатах: метастаз уменьшился вчетверо до трех с небольшим сантиметров, первоначальная опухоль скукожилась почти до невидимости. Доктор был доволен.

Очень хорошая ученица Инбара тоже была довольна. И чтобы закрепить успех, решила проделать курс в четвертый раз. Перестраховалась: изменений не случилось. Прошел еще месяц. После очередных анализов назначили операцию.

Глава третья

В Израиле лечат медсестры

Никогда я подолгу в больницах не лежал: либо 1-2 дня стационара, либо отдельные процедуры. Единственный раз пробыл неделю в «Кремлевке», над чем уже посмеялся в книжке «Мы попали в «запендю». Редкие тамошние врачи, заходившие меня морально поддержать, всякий раз сообщали «жизнеутверждающие» факты: прямо под вами – этажом ниже – умер Хрущев, в конце коридора установили, разломав стену, искусственные легкие Андропова, которые его не спасли.

– Ну, а вы лежите в палате, где скончался маршал Жуков!

В конце концов, видимо поняв, что политики и полководцы от меня далеки, доктора радостно сообщили, что в соседней палате справа «вот прямо незадолго до вашего появления лечился тоже народный артист, главный режиссер театра Маяковского Андрей Александрович Гончаров. Здесь же и умер».

В Израиле как-то по-другому.

Сразу создается впечатление, что вся клиника, да и вообще все здравоохранение, занято только тобой. Какой-то человек в элегантном медицинском костюме провел меня мимо красивых стоек с цветами, картинами, предложил чай, кофе, печенье, бутерброды, конфеты. Уточнил: «Все это бесплатно». Казалось, скоро начнется какой-то правительственный прием, а не лечение. Мы попали в пространство, разделенное на небольшие секции, каждая из которых завешана портьерой. В одну из них меня завели. Увидел две висящие плазмы, удобную кушетку. Рядом кресла, дверь в туалет. Все напичкано огромным количеством медтехники. Человек в медицинском костюме посадил меня на кушетку, выдал плед. И попрощался – его функции закончились. После чего появилась медсестра, объявившая, что мне очень повезло, потому что она говорит по-русски. Открыв историю болезни, спросила:

– Райхельгауз Иосиф Леонидович? Русский?

Признался, что русский.

Дальше она стала подключать приборы, навешивать пузырьки с лекарствами. При этом подробнейшим образом комментировала все свои действия, рассказывая о назначении каждой бутылочки, трубочки, иглочки, о том, как это работает. Еще описывала, какие ощущения я должен испытывать в тот или иной момент: будет больно, будет не больно, потом захочется спать, потом наступит бодрость. Казалось, присутствую на лекции в медицинской академии. Конечно, мало что понимал, еще меньше запоминал. А она все время спрашивала:

– Здесь понятно?

И поясняла:

– Это продлится 25 минут, это 15. Затем мы вас промоем и начнем капать. Не волнуйтесь – все рассчитано на 6 часов 20 минут. Если проголодаетесь, принесут

еду. К вам могут приходить посетители.

Под конец она в очередной раз спросила:

– Все поняли?

– Все.

– Есть замечания или предложения?

– Конечно, нет, это же доктор прописал!

– Но организм – ваш! Если нет возражений, распишитесь.

И я расписался на десятках листов. Что понимаю, как меня будут лечить. Что отвечаю за любой исход лечения. Расписался, не читая – ивритом не владею. Так что, возможно, попутно еще с кем-то расписался и теперь женат.

Медсестра собрала подписанные бумаги в папку, напоминающую судебное дело. И сказала:

– Сделаем анализ крови.

Вошел другой медик в другой униформе. Мощный дядька, который по-русски не говорил. Он принес разные приборы, иголки, шприцы – разумеется, все одноразовое. Сделал анализ быстро и не больно. Мало того, тут же запустил мою кровь в аппарат и мгновенно получил результаты, которые его явно удовлетворили. Сказал: «ОК». Вернулась медсестра, в очередной раз померяла давление, температуру и начала процедуры.

Первая процедура должна была длиться час десять минут. Я включил ТВ на русском языке и чуть задремал. Но тут вошла молодая медсестра, опять принесла какие-то бумаги, стала что-то с чем-то сравнивать, смотреть на приборы. Она тоже сказала: «ОК. Ка-ра-шо». И ушла. Я снова задремал. Но не тут-то было! Появился молодой человек и снова принялся что-то с чем-то сверять... Так продолжалось все время. Такова система, она работает непрерывно. Более того, в нее ухитряются вовлечь и родственников,

оказавшихся «под рукой». Врачи начинают сразу с посетителями общаться, задавать вопросы, давать рекомендации.

Пришел мой двоюродный брат с женой, которую тут же куда-то повели. Вернулась она с целой горой инструкций к моим лекарствам. И принялась все это читать, переводя с иврита. Постепенно я понял, что по их протоколу больной и его окружение должны очень хорошо понимать абсолютно все, что касается лечения. И соглашаться с этим сознательно, принимая ответственность на себя. Пока лечили, мне пришлось подписать огромное количество документов, где соглашался со всем, что со мной делали.

Длилось это полгода.

Глава четвертая

Операция

Операций сложных у меня никогда не было. Даже в Кремлевке удалили сущую мелочь. На этот раз предстояло нечто серьезное. Надо было как-то подготовить маму. Мы с сестрой боялись ее волновать и не знали, как к этой теме подступиться. Мама – ей шел 92-й год – каждый день гуляла, плавала в бассейне, читала книжки, – жила нормальной жизнью. Однажды утром – я был тогда в Санкт-Петербурге и репетировал спектакль в театре «Балтийский дом», – она вдруг сказала помощнице: «Дай мне альбомы, где дети и внуки». Поцеловала фотографию папы, мою, Олину, внуков, закрыла альбом, легла, положила руку под голову и ...умерла.

Курсируя между Москвой, Петербургом и Тель-Авивом, регулярно встречался с доктором Франклином Грайфом, который, как потом узнал, – один из крупнейших в мире хирургов. Хотя всегда казалось, что приходит ко мне не врач, а родственник, настолько заинтересованно он занимался моим заболеванием. Я принимал это за человеческий интерес, и все время звал его в гости в Москву. За время общения действительно стал воспринимать Франклина, как близкого друга. И потому после двух месяцев знакомства он буквально ошеломил вопросом: «А кем ты работаешь?» Только в этот момент стало понятно: до сих пор Грайф общался не со мной, а с моими кишками и печенью.

Когда приблизилось время операции, он попросил, чтобы кто-то из близких вместе со мной выслушал рассказ о том, что нам предстоит. В этот раз самым близким оказался Леша. Снова создалось впечатление, что мы на медицинском симпозиуме. Доктор Грайф развернул огромный экран и стал наглядно исследовать мои внутренние органы.

– Вот здесь я сделаю надрез, потом пойду сюда, потом разрежу здесь, закреплю тампон, здесь зашью, потом удалю вот эту ткань, и если получится, пройду влево, а не получится – подрежу в этом месте, тут приподниму, там опущу...

Я воспринимал лекцию с интересом, никак не соотнося ее с собственным организмом. Часто доктор повторял: очень повезло, что метастаз в печени – она восстанавливается.

Это, кстати, многие мне радостно сообщали, желая приободрить. Даже Анатолий Борисович Чубайс прислал СМС-ку: не волнуйтесь – печень восстанавливается!

А потом доктор Грайф сказал:

– По опыту подобных операций – 90 %, что вы останетесь живы.

– А 10 %?

– 10 % – что организм не выдержит, и вы не выживете. Вы должны знать, что есть эти 10 %.

И я снова подписал бумаги о согласии на операцию и понимании того, что есть 10 %.

Назначили время – послезавтра утром.

Накануне мы пошли к морю. В голове крутились лирические мысли, что жизнь сложилась прекрасно. И даже если она остановится – ничего страшного.

За прожитые годы я испытал полярные чувства – от жуткого страха, когда оказался под толщей байкальского льда, до блаженной эйфории от картины

звездного неба в китайской пустыне Такла-Макан.

Судьба подарила счастье страстной, восторженной, неуправляемой любви и ужас, отчаяние, безысходность от предательства той, которую любил.

Я получал высокие награды и признание результатов своей работы и тупую ненависть недругов.

И еще посчастливилось бывать в разных городах, работать в знаменитых театрах, встречаться с интереснейшими людьми, читать лекции в престижных университетах мира.

А мои замечательные родители, дети, коллеги, ученики...

Многим людям хватило бы такой биографии на несколько жизней. Стал считать страны, в которых побывал – на восьмом десятке остановился.

Не было никакого страха. Казалось, что все сегодняшнее происходит не со мной.

Вечером приехал в больницу со своей сестрой Олей и дочкой Сашей, сменившими Алексея на посту смотрителей и хранителей моего здоровья.

Палата в «АССУТА» – хороший гостиничный номер. С душем, туалетом, холодильником, телевизорами. Широкие, огромные окна, сквозь которые видны зеленые луга, нетипичная для Израиля речушка, проходящий поезд, велосипедисты. Сказочный, умиротворяющий, эпичный, спокойный мир. Это вдохновляло. Переоделся в выданный больничный костюм – хлопковую пижаму, удобную и приятную.

Как-то прошла ночь. Утром появился очередной санитар, переложил меня на каталку, сообщив, что на ней я поеду на операцию. И ушел. После чего возникли два человека в деловых костюмах, галстуках – то ли адвокаты, то ли менеджеры страховой компании, очень серьезные. Они привели русскоязычную медсестру. Стали задавать вопросы – медсестра переводила. Я опять подписал кучу бумаг, в которых признавал, что согласен на все и при этом понимаю, чем это может закончиться.

Пришел новый медбрат, сделал какой-то укол. И дальше началось то, чего я не проходил ни разу в жизни и что можно описать снаружи, а можно изнутри. О том, как было «снаружи», мне рассказали сестра, дочь, врачи. Операция, затем восемь дней искусственной комы. Медленное возвращение в реальность. Бесконечные звонки от знакомых, коллег, друзей, на которые смотрители и хранители отвечали: он без сознания два дня, три дня... семь дней... И те, кто это слышал, плакали и прощались. А внутри – в моей собственной реальности – разыгрывались совершенно иные сюжеты...

Глава пятая

Бред

...Я шел по московскому аэропорту на самолет, который должен лететь в Тель-Авив на операцию. Паспортный контроль, таможенный контроль. Потом случайно свернул в какой-то проем – не туда, куда пошли все. В этот момент на меня с нескольких сторон напали. Сразу сообразил, что напали специальные люди, бандиты, торгующие человеческими органами. Они меня крепко связали, закрыли лицо. Придя в себя, я понял, что нахожусь на операционном столе, и это смерть. Почувствовал тупую боль и очень отчетливо увидел этих людей, их лица. Снова потерял сознание.

Очнулся почему-то в Иркутске. Директор Иркутского театра меня пригласил на важную встречу. Мы сидели в роскошном ресторане с видом на уникальное место, где Ангара вытекает из Байкала. Директор сказал, что не мог не пригласить местного председателя СТД. Председатель – артист, очень несимпатичный. Еще он сообщил, что должны прилететь Гафт, а также Чубайс с Дуней Смирновой. И я понял, кто главные гости ужина. За столом оказалась моя сестра Оля и еще моя мама, живая и веселая. Мне больно, мне плохо. Лежу в соседней комнате, но вижу и слышу все, что происходит за столом. Мама в красивом платье, смеется, а Оле все не нравится, и зачем-то шутит она по-французски – пошло, бездарно, – что меня сильно злит.

Все ждут Чубайса. И перешептываются: поставили на стол коньяк, виски, лучшую водку, а этот капризный Чубайс сказал, что пока не принесут пива, он, видите ли, не придет! Играет музыка, Оля продолжает ужасно шутить. Пришел

Чубайс, выпил пива и ушел. И все снова стали его обсуждать, потому что он пива глотнул и не допил, а они его с трудом достали.

Ко мне заходит дочь Саша. И я говорю ей: «Подойди к Анатолию Борисовичу и извинись – скажи, что я скоро вернусь к столу. И останови Олю с этими глупыми шутками по-французски. И еще успокой бабушку – она все время повторяет: почему Йосенька не приходит?...»

Я еду вместе с Машей и Сашей на машине где-то по Европе – Швейцария, скорее всего. Виноградники, Женевское озеро. Эйфория... Но все время какой-то автомобиль нас подрезает. И мы попадаем в аварию. Я узнаю Дениса Вороненкова, мужа Марии Максаковой. И сама Максакова что-то мне пытается объяснить. Подходят люди, которые говорят: «Мы из Одессы! Сейчас принесем еду. И заставим Максакову и Вороненкова, устроивших аварию, выплатить компенсацию». Для подтверждения серьезности своих намерений они называют свой одесский адрес: бульвар Черняховского, 15...

Подмосковье. Забор из ракушечника. Маленький провинциальный театр. На сцене моя Саша играет большую роль, а режиссер говорит – смотрите, какая она талантливая. А я не понимаю, как же «Школа драматического искусства», где она должна быть на работе? И Саша объясняет, что давно уже играет в этом театре. Появляется группа музыкантов, с ними наш балетмейстер Света Кузянина и Женя Гришковец. Музыканты очень хорошо играют. А Гришковец в стиле своих моноспектаклей рассказывает о них, о том, как несправедливо с ними обходятся в России, а вот в Америке они были бы миллионерами. И Кузянина предлагает – давайте купим у них какую-то музыкальную фразу!

Гришковец соглашается: «Отличная идея, я буду все спектакли оформлять этой фразой». И Женя отсчитывает им огромные деньги. Опять все идут за едой, как и те одесситы, которые помогали мне во время аварии. Покупают колбасу, что-то еще. Но есть не дают. Ощущаю голод и сильную жажду. Кто-то пьет холодное вишневое пиво... А музыка звучит, и Гришковец снова восклицает: «Вы понимаете, какая это великая музыка?»

Эти видения предельно реалистичны. И самое неприятное, что почти во всех сюжетах присутствовали не только реальные, хорошо известные мне люди, но и какие-то морды, рыла, похожие на брейгелевских персонажей. Когда на девятый

день я стал приходить в себя и уже видел реальных Сашу, Олю, врачей, морды и рыла не исчезли. Они еще долгое время не отпускали меня, проникнув в реальность из бреда. На 11 день я осознал, что лежу в палате.

Саша спросила:

– Папа, кто я?

Мучительно задумался и сказал:

– Саша.

В первый раз ее узнал.

– А у тебя есть еще дети?

– Не помню.

Она стала задавать вопросы, но я не мог на них ответить.

– Ты хочешь чего-нибудь?

И тут я заявил:

– Пива. Холодного.

– Папа, ты бредишь? Ты понимаешь, где ты?

– Понимаю. Хочу холодного пива.

Саша привела русскоязычного медбрата, повторила при нем вопрос. Я повторил ответ. И услышал:

– В чем проблема? Спустись на первый этаж и купи папе холодное пиво. Если он хочет, пусть выпьет.

Я снова вырубился, но очнулся все с тем же желанием выпить холодного пива. Вообще-то пиво не мой напиток – я его пью крайне редко. Но тут желание было вполне определенным – как у Чубайса из моих галлюцинаций.

– Не принесла пиво?

– Принесла.

Я отпил несколько глотков. Потом Саша рассказывала, что медбрат спросил ее:

– Что, папа крепко выпивает?

– Да нет...

– Да ладно, выпивает, конечно... Первое, что попросил после многодневной комы – пива...

Так я приобрел в больнице репутацию алкоголика.

И еще я твердо знал: нахожусь в Подмосковье. И операцию мне сделали бандиты, которые вырезали жизненно важные органы. Более того, подозревал в причастности к этому преступлению свою сестру Олю – не зря ведь она шутила по-французски.

Спрашиваю медбрата Яшу:

– Кто делал операцию?

– Доктор Грайф.

– Не верю! Давайте заключим пари!

– Давайте. Своей Саше поверите?

– Саше поверю.

Яша приводит мою дочь.

Яша:

– Ну, что, Йосиф, заключаем пари?

Я:

– Да. Саша, скажи честно, кто делал операцию?

Саша:

– Доктор Грайф, папа. Ты мне веришь?

Я:

– Да... Бандиты. Бандиты. Делали операцию.

Яша:

– Они, может, и бандиты, но зовут их Доктор Грайф и доктор Моерер! Так что, я выиграл!

А я, тем не менее, ясно видел эту странную бандитскую больницу с огромным количеством переходов, лестниц, висячих садов, водоемов. Мелькали знакомые лица. Вот узнал Илью Моерера и его ассистентку Алену. Удивился и спросил:

– Что вы здесь делаете, как сюда попали?

Он ответил вопросом на вопрос:

– А где вы находитесь?

– В больнице.

– Так значит, все нормально?

– Что же тут нормального? Почему вы здесь? В Россию прилетели?

– Мы в Тель-Авиве.

– Хватит врать. Кто делал операцию?

– Доктор Грайф.

– Вы обманываете. Не верю!

– Давайте позовем медсестру. Она подтвердит, что мы в Израиле!

– Ах, вы тоже с ними? Так и думал, что вы с этими бандитами заодно!

Я кричал, что мы всех посадим! Требовал, чтобы Оля позвонила какому-то министру. Это продолжалось еще несколько дней после выхода из комы. Окончательно я пришел в себя только через две недели после операции.

Но оказалось, что больничные приключения мои отнюдь не закончились.

Шов никак не заживал. Боль не проходила, но казалось, что так должно быть. Израильская медицина настаивает на скорейшем выходе пациента из состояния неподвижности. Поэтому, как только я выбрался из комы, мне было велено гулять – сначала на ходунках по коридору, потом на коляске вокруг больницы, и, наконец, своими ногами. Буквально накануне отлета в Москву пошел в кафе, выпил пива, съел мороженое. Почувствовал, что боль усилилась, вскоре став нестерпимой, несмотря на обезболивание. Еле дотащился до палаты. Было около 11 вечера. Решил все-таки пожаловаться медсестре.

Она осмотрела шов и побледнела:

– Только не пугайтесь. Но у вас кишки наружу.

Я ей как-то сразу поверил, хотя, к счастью, сам увидеть свои кишки не мог из-за фиксирующей перевязки, лишавшей мое тело подвижности.

В ожидании Грайфа, который по ее звонку тут же выехал в больницу, медсестра стала поливать живот физраствором, объяснив (они ведь все свои действия объясняют), что «нужно лить все время, иначе кишки высохнут».

Зашли люди в официальных костюмах – я уже как опытный пациент знал: принесли на подпись бумаги – согласие на наркоз и операцию. Появился Грайф, веселый и игривый:

– Печеночка ваша по мне соскучилась – вот мы сейчас с ней встретимся.

На этот раз я увидел операционную, которую во время прошлой операции разглядеть не успел. Космический корабль: аппаратура, сенсоры, камеры, мониторы, шланги, особенный свет, на врачах скафандры и шлемы со стеклянным забралом и жуткий холод. Много людей. Атмосфера запуска спутника. За пределами операционной, кстати, установлено табло мониторинга. Таким образом, родственники могут следить за всеми этапами операции в режиме он лайн. Меня положили на стол – металлическая доска шириной сантиметров 50, с которой я свешивался всеми сторонами тела. На уровне рук перекладина. Распяли, зафиксировав кисти ремнями. Спасибо, что не гвоздями. Последнее, что помню:

– Что чувствуете?

– Очень холодно.

– Сейчас согреем.

Открыл глаза на следующий день в реанимации.

На этот раз все прошло без осложнений, без комы, без брейгелевских морд, без Иркутского СТД, без Максаковой и даже без пива.

Когда уже после второй операции снова стал выходить на улицу, кто-то вдруг сказал: вот профессор Моше Инбар. Тот самый, к которому я приехал полгода

назад и с которым так и не встретился. И я увидел со спины кутившего человека. Потом он прошел мимо, не взглянув в мою сторону.

И все-таки за день до возвращения в Москву наша встреча состоялась. Доктор Моше Инбар принял меня не в «АССУТА», а... Впрочем, об этом с самого начала.

Глава шестая

Инбар

Еще в Москве со слов Андрея Мещерякова стало известно, что в мировой онкологии самый гений из гениев – это Инбар. Мещеряков с восторгом рассказывал, какой он сделал в Америке доклад, перевернувший всю медицину. И как в Испании участвовал в конференции, всех поразив. И еще много всяких чудес про этого великого доктора. Поэтому, когда от Моерера услышал, что меня будет лечить Инбар, уверовал, что попадаю прямо к Богу. Естественно, все эти его ученицы слегка разочаровали. Та, которая, в конце концов, стала моим лечащим врачом, вела прием в кабинете, наполненном хохломой, какими-то блестящими штучками, репродукциями с «красивыми видами» и казалась еврейской провинциальной дамой, мало интересующейся больным. А Инбар так и остался для меня великим и недоступным, как Волшебник страны Оз.

И вдруг сообщают: Инбар готов вас принять.

Русскоязычный менеджер повез меня в клинику Инбара – в самый центр Тель-Авива. Подъехали к огромному зданию – не зданию, целому кварталу: ультрамодная современная архитектура, стекло, металл, вертолетная площадка.

Вошли в холл – «АССУТА» померкла, превратившись в скромную районную больницу. Невиданный лифт – целая комната с зеркалами, светильниками, а также лифтером в униформе. Поднявшись на пятый этаж, оказались в зимнем саду: ковры, пальмы, экзотические растения, фонтаны.

Менеджер усадил меня в кресло.

– Сейчас вы будете разговаривать с врачом.

– С Инбаром?

– Нет-нет! Не с Инбаром!

Пришел молодой симпатичный парень, говоривший по-русски. Я увидел у него в руках огромную папку с историей болезни. Доктор стал листать папку, из каждых десяти листов отбирая один. На моих глазах толстенное «Дело» превратилось в тоненькую брошюру. Иногда он спрашивал, проходил ли я ту или иную процедуру. Это длилось минут 40. После чего сказал:

– Идемте.

– К Инбару?

– Пока нет.

Он завел меня в кабинет – шикарный, стерильно-чистый. Там нас встретила женщина, которая стала листать секвестированную папку. И опять периодически задавала вопросы. Но не мне (она по-русски не говорила), а молодому человеку. Тот переводил, я отвечал. Изучив документы, врач торжественно объявила:

– Вас примет доктор Инбар.

Я оглянулся в ожидании, что великий Инбар сейчас войдет. Но нет. Снова сели в лифт и спустились. Погрузились в ту же машину.

Ехали недолго – два-три квартала. Выйдя из машины, попали в типичный тель-авивский дворик, где всегда много кошек, мусор, какие-то запахи, огромное количество почтовых ящиков, из которых вываливаются рекламные флаеры, заросли травы. Войдя в парадное, возле весьма скромной двери обнаружили табличку на иврите и латинице:

«Профессор Моше Инбар».

За дверь оказалась крохотная полупустая комнатка. Сопровождающий доктор сказал, что мы должны подождать. Сидели минут двадцать в полной тишине. Неожиданно открылась дверца, вышла женщина:

– Господин Райхельгауз? Доктор Инбар скоро вас примет.

Мы сидели еще минут пятнадцать – теперь уже втроем. Раздался звонок. Женщина встала, обошла стол, подошла к двери, открыла ее и объявила:

– Профессор Моше Инбар.

Мы зашли. Моше Инбар сидел за столом в крохотном, скромном кабинете. И смотрел на меня. Мы молчали. Через несколько минут он спросил на иврите:

– Зачем пришли?

– Вы мой лечащий врач и... – я, разумеется, говорил по-русски, сопровождающий переводил.

– Вас вели мои ученики по протоколу. Все правильно и нормально. Я ничего нового не скажу.

Стало ясно, что надо уходить, и уже в какой-то растерянности я пробормотал:

– Очень хотел вас увидеть.

– Зачем?

– Много о вас слышал, как о всемирно известном враче...

– От кого?

– От Андрея Мещерякова.

И тут его, как будто подменили!

– Вы из Москвы? Андрей – выдающийся врач. Это ваш товарищ?

– Да.

– Пришли, чтобы со мной познакомиться?

Он стал листать историю болезни. Потом сказал:

– Я вас посмотрю.

Через крошечную дверь мы прошли в еще более крошечную смотровую с маленькой кушеткой. Он начал осмотр. И стало понятно: это действительно гений. Гения сразу видно, кем бы он ни был: великим писателем, артистом, ученым. Он осматривал, пальпировал, слушал. Причем фиксировался на тех частях моего тела, которые не имеют прямого отношения к оперированным органам. Мы вернулись в кабинет. И тут возникло ощущение, что у него полно времени. Он дал рекомендации по дальнейшему курсу лечения, и мы стали разговаривать, как родственники, которые давно не виделись. Говорили о жизни, я рассказывал, чем занимаюсь. Потом предложил сфотографироваться. Доктор Инбар, казалось, был счастлив.

Потом он быстро напечатал свое заключение и отдал мне.

– Что с этим делать?

– Ничего, покажи профессору Мещерякову.

И написал прямо на заключении: «Приветствую русского коллегу Мещерякова».

Потом уже я узнал, что принимал он меня в своем частном кабинете, который лет 30 назад открыл в маленькой квартирке старого жилого дома. Это была приватная встреча. В клинике он бы работал по страховке или за деньги – по протоколу. Здесь – по дружбе. Потому что в израильской клинике «по дружбе» – категорически недопустимо.

Кстати, жена моего двоюродного брата Ирина – та самая, которая читала аннотации к лекарствам – врач лаборатории медицинских анализов. В свое

время в Израиле с ней произошла ужасная неприятность: она у себя на работе сделала анализы для своего папы. Был страшный скандал. Иру чуть не уволили, сильно понизили в должности и зарплате. Таковы правила.

От доктора Инбара я ушел вдохновленный, убедившись, что его ученицы все делают правильно. И совершенно неважно, какими способностями и чертами характера они лично обладают. Лечат по протоколу. Налажена система, которая не нуждается в ручном управлении.

Глава седьмая

...Познаются в беде

Сестра моя – жизнь

Моя сестра Оля – человек уникальный, абсолютно адекватный амплитуде жизни. Для нее подъем и падение – данности, с которыми нужно жить. Более того, падение – не что иное, как низкий старт для взлета. Был этап, когда Оля потеряла все: деньги, квартиру, работу. Тогда, помогая кому-то устроить междугороднюю перевозку, она стала руководителем крупнейшей международной логистической фирмы. Однажды, когда Оля в очередной раз поменяла свою жизнь, она устроилась работать воспитательницей в детский сад. Через несколько месяцев ей предложили должность директора. Вот и моя болезнь стала для сестры не катастрофой, а программой действий. Она оставила дом, хозяйство, семью, мужа, животных и не отходила от меня с первого до последнего дня лечения. Приезжали и уезжали дети, появлялись родственники, приходили и помогали друзья. Оля была рядом всегда, занимаясь мной ежесекундно. Никакие слова благодарности не смогут выразить отношение к сестре: она была частью меня. И это не закончилось. Сестра моя – жизнь.

Саша

Свою младшую дочь Сашу я очень люблю. Саша – во многом непредсказуемый и необъяснимый человек. Может обидеться на что-то, не стоящее внимания, а

может быть счастлива от малозначительных комплиментов в адрес своего поста в фейсбуке или испеченной шарлотки. Поэтому наши отношения – неровные. Как только Саша узнала о предстоящей операции и ее неопределенном исходе, она остановила все свои занятия, работу, обязательства и прилетела в Израиль. Пока лечение не вошло в относительно понятное русло и Саша не убедилась, что моей жизни уже ничто не угрожает, она оставалась рядом. Как ни странно, болезнь привела наши отношения к новому качеству: мы стали гораздо ближе. И, пожалуй, стали лучше друг друга понимать.

Доктор Илья Моерер

Доктор Моерер был моим координатором. Мы встретились в первый раз совершенно формально. Состоялся деловой разговор, обсуждали, что сколько стоит. Доктор Моерер предложил подумать о получении израильского гражданства, что позволило бы оформить страховку. Он старался оптимизировать мои расходы. Я решил остаться гражданином России, а в Израиль приезжать лечиться и работать. Вскоре формальные отношения переродились в абсолютно неформальные. Он рассказывал о своей жизни в СССР, в Саратове, о том, как заработал первые деньги в 14 лет, как лечил детей. Мы обсуждали собственных детей и их проблемы. И через короткое время уже я стал его успокаивать и давать советы.

Илья приносил еду из дома, хотя в больнице прекрасно кормили. Тем не менее, его жена передавала какие-то специальные шабатные блюда. Сам он готовил наш русский борщ. Мечтательно говорил о картошечке с селедочкой и винегрете. И я ел то, что он приносил, потому что на больничную еду аппетита не было. В результате мы подружились. Последнюю операцию и Моерер, и Грайф сделали без гонорара. Когда я вернулся в Москву, общении продолжилось. Недавно Илья прилетал ко мне в гости – и мы выпивали и закусывали.

Марк Капитанский

Продюсер, который много раз возил «Школу современной пьесы» на гастроли. Мы общались только по делу. И вдруг он приехал в больницу, и я почувствовал, что это мой ближайший родственник. Не проходило дня, чтобы он не приезжал и не привозил вкусную и правильную еду. Соки, фрукты, овощи – в жизни столько полезного не употреблял. После операции и выхода из комы к любой еде

возникало отвращение. И тогда Марк сказал: завтра привезу тебе лучшее еврейское лекарство. И привез горячий бульон, который я выпил залпом. Там было около тридцати видов трав и корешков. Аппетит вернулся.

И вот теперь я вышел из больницы, возвратился в Москву, и мы опять почти не общаемся. Что неправильно.

Семен Злотников

Драматург, писатель, мой давний друг, чьи пьесы много раз я ставил первым. «Пришел мужчина к женщине» – главный спектакль нашего театра. Практически все 30 лет «Школы современной пьесы» в репертуаре его замечательные произведения: «Уходил старик от старухи», «Прекрасное лекарство от тоски», «Все будет хорошо, как вы хотели». С ним мы в последние пару лет из-за совершеннейшей ерунды поссорились. Перестали разговаривать. Когда Семен узнал, что я болен, тут же приехал. И я был счастлив. Злотников привез какие-то снаряды для разработки рук, книги, которые мне следовало прочесть. И менял их, как в библиотеке. Мы снова друзья.

Саша Лисянский

Художник, с которым двадцать лет назад мы сочиняли спектакли и фильмы в Москве, Липецке, Тель-Авиве. Он приезжал в больницу практически каждый день. А если не приезжал, то звонил и извинялся, что не может приехать, потому что занят на работе. И все равно ухитрялся при всей занятости меня навещать.

Толя Исаенко

Друг юности. Человек парадоксальный, обидчивый, эгоцентричный. Но друг! Иногда мы видимся ежедневно в течение полугода, а иногда полгода не видимся. Узнав о моей болезни, не раздумывая прилетел в Тель-Авив и вошел в палату с положенными овощами, фруктами, соками.

Родственники

Двоюродная сестра Альбина прилетела из Канады, чтобы меня поддержать. Двоюродный брат Миша и его жена Ирина, о которых я уже рассказывал. Брат Саша, его жена Алла, Леночка, ее муж Адик, моя родная тетя Браха, которая в прошлой жизни в Одесской области, будучи директором и секретарем парткома сельской школы, носила имя Бронислава. Двоюродные племянники, троюродные внуки и много других близких и родных...

Был совершенно ошеломлен, когда увидел на пороге палаты замечательного критика, журналиста, подругу Марину Райкину. Я не поверил глазам – решил, что опять галлюцинации. Но это действительно была она: приехала в Тель-Авив, нашла больницу и вернула меня в мир бурлящих московских новостей театра, политики, жизни... Естественно, вместе с фруктами и соком.

И, конечно же, поддержать меня перед операцией прилетал в Израиль мой близкий друг, эрудит, театрал, спортсмен, известный украинский политик Алексей Гончаренко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rayhel-gauz_iosif/igra-i-muka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)